

Я. А. Ленцман

РАБЫ В ЗАКОНАХ СОЛОНА

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ [АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ]

Законы Солона¹ охватывали почти все стороны общественной и личной жизни афинян. В этом плане достаточно хотя бы самым беглым образом просмотреть главы 20—24 плутарховой биографии великого афинского законодателя. Перечисленные в них законы касаются: активного участия в политической борьбе, порядка выхода эпиклер замуж, размеров приданого, завещаний, норм поведения женщин вне дома, жертвоприношений, брачных и похоронных обрядов, поощрения ремесел, прав и обязанностей незаконных детей, прелюбодеяний, наград за истребление волков, пользования колодцами, вывоза оливок, посадок деревьев и ряда других вопросов. Не менее ярко свидетельствуют о многообразии этих законов и речи ораторов IV в.; например, Эсхин в речи против Тимарха заявляет (I, 6 сл.): «Смотрите, афиняне, сколь много внимания уделил нормам благоразумного поведения тот древний законодатель Солон, и Драконт, и другие законодатели тех времен. Ведь, во-первых, они издали законы о поведении наших детей и точно указали, как должен себя вести свободнорожденный ребенок и как следует его воспитывать, во-вторых, они составили законы об отроках, а в-третьих, и о других возрастных группах, притом не только о частных лицах, но и о выступающих на собраниях». Излагая содержание законодательства Солона, Эсхин касается здесь только тех законов, содержание которых он использует против Тимарха; однако даже из этого перечисления ясен достаточно широкий диапазон древнейшего афинского законодательства. Общее число законов Солона достигает сотни². Обилие их и разнообразие наталкивают на мысль: нельзя ли из столь большого собрания юридических документов извлечь какие-нибудь данные о положении рабов в солонической Аттике?

Вопрос о достоверности законодательства Солона, о том, какая часть приписываемых ему законов в действительности восходит к деятельности афинского реформатора или, по крайней мере, к его времени, является

¹ Разумеется, далеко не все законы, приписывавшиеся в древности Солону, фактически восходят к афинскому законодателю. Среди них, несомненно, имеются бесспорно подлинные, большое число сомнительных и заведомо подложные.

Впредь до рассмотрения датировки отдельных интересующих нас законов мы будем для краткости называть «законами Солона» и те, которые действительно ему принадлежали, и те, которые только приписывались ему античной традицией.

² См. A l y, Solon. RE (1927), стб. 958—970.

очень сложным. Упоминания о законах Солона с изложением их содержания, а иногда и приведением текстов, сохранились у многих античных авторов. Главными источниками являются биографии Солона у Плутарха и Диогена Лаэртского (I, 55—61). Довольно много законов, приписываемых Солону, приводят ораторы IV в.: Лисий, Эсхин, особенно Демосфен; некоторое число законов можно найти у Диодора Сицилийского (I, 77, 5; 79, 4; XII, 18, 3). Единичные указания на законодательную деятельность Солона дают значительно более ранние авторы: Геродот (II, 177) и Аристофан (*Nub.*, 1187 сл. и *Av.*, 1354 слл.).

Подлинность части этих законов вызывает большие сомнения. Так, Андокид цитирует (I, 95 сл.) закон об охране демократии, приписываемый им Солону; между тем в этом законе говорится о Гармонии и Аристокейтоне. Геродот в указанном выше месте считает автором закона *περὶ ἀρχῶν* Солон², Диоген Лаэртский (I, 55) относит тот же закон, ссылаясь на Лисия, к Драконту, а Плутарх (*Sol.*, 2), со ссылкой на Теофраста, считает его инициатором Писистрата. Относимый Диогеном Лаэртским к Солону закон (I, 56), воспевающий опекуну женитбу на матери своих подопечных, стоит в противоречии с афинской практикой IV в. и, очевидно, не может восходить к Солону³. Из приведенных примеров, а их число можно значительно увеличить, следует, что далеко не все «законы Солон²» могут быть отнесены к его времени или к нему лично.

Пристальное изучение источников, относящихся к доклассическому периоду истории Афин, показало, что авторы IV в., освещающие в той или иной связи деятельность Солона, рассматривали ее прежде всего через призму идейно-политической борьбы своего времени⁴. Отсюда некоторые исследователи, принадлежавшие к гиперкритической школе, делали вывод, что вся античная традиция о ранней истории Афин является мало- или совсем недостоверной. Представители этой школы: К. Ю. Белох, Ш. Жиллиар, особенно И. М. Линфорт, у нас Р. Ю. Виппер, считали, поскольку речь идет о Солоне, надежно засвидетельствованными только его поэтические произведения и почти полностью отвергали данные традиции о содержании его законодательной деятельности.

Методические установки гиперкритиков были с предельной четкостью сформулированы автором интересной книги о Солоне И. М. Линфортом⁵, который в предисловии к своему труду писал: «Мною была занята скептическая позиция равным образом по отношению к древней легенде, как и к современной гипотезе. Если данная позиция кажется чересчур скептической, то об этом нечего сожалеть..., автор не предлагает критического обсуждения солоновского кодекса законов, так как нет уверенности, что такого рода обсуждение может оказаться действительно плодотворным» (ук. соч., стр. III). И действительно, вся книга Линфорта построена лишь на материале одних стихов Солона без использования каких-либо свидетельств о его законодательстве. Ясно, что такой подход к источникам предельно ограничивает возможности исследования и препятствует полноценным историческим обобщениям.

Попутно заметим, что гиперкритицизм далеко не освобождает исследователя от опасности субъективизма; лучшим примером в этом отношении может служить сам Белох, о котором метко отозвался в 1936 г. шотландский историк А. Р. Берн: «Среди живых историков древней Греции нет ни одного имени, которое можно было поставить выше имени К. Ю. Белоха, благодаря его критическому блеску и часто спасительному скеп-

² H. F. J o l o w i c z, *The wicked guardian*, JRS, XXXVII (1947), стр. 82 сл.

⁴ M. M ü h l, *Solons sogenannte χρῆσι ἀποκοπή im Lichte der antiken Überlieferung*, «Rheinisches Museum», LXXXVI (1953), стр. 214—223.

⁵ Ivan M. Linforth, *Solon the Athenian*, Berkeley, 1919.

тицизму; однако иногда бывают времена, когда хочется сказать, что Белох не принимает в греческой истории ничего, кроме своих собственных выводов»⁶.

Скептицизм ученых гиперкритического направления в отношении законов Солонa аргументировался в их трудах не столько противоречивыми сведениями античной традиции, сколько убеждением в невозможности сохранения каких-либо надежных данных об истории VI века у афинских авторов IV столетия, чьи сочинения дошли до нас в относительно большом количестве. Эти ученые полагали, что разрушение Афин Ксерксом имело столь же катастрофические последствия для сохранности исторических памятников VI века, как пожар Рима во время нашествия галлов для древнейшей римской традиции. Гиперкритики, ссылаясь на случаи отнесения одних и тех же законов к разным законодателям, заявляли, что античные авторы вообще не располагали надежными сведениями о происхождении тех или иных памятников законодательства и что они по традиции приписывали все ранние афинские законы Солону.

Однако, как показал в ряде исследований Ф. Э. Эдкок⁷, скептицизм указанных исследователей во многом шел чересчур далеко. Анализируя античную традицию о ранних греческих законодателях, Эдкок заметил, что авторы доэллинистического времени, как правило, очень бережно относились к традиции и что лишь начиная с Диодора Сицилийского и особенно Диогена Лаэртского заметно серьезное ее искажение. Поскольку речь идет об авторах IV века, можно с уверенностью сказать, что в их распоряжении имелся свод раннеаттических законов, восходящий к VI в. Приведенные в X речи Лисия фрагменты законов Солонa, о которых более подробно речь пойдет ниже, без сомнения восходят к началу VI в.; об этом неоспоримо свидетельствует их архаичный язык, малопонятный для современников Лисия. Ораторы IV в. во многих случаях приписывали те или иные законы персонально Драконту, а не Солону. Такое различие, как указывает Эдкок, было бы невозможным, если бы в то время отсутствовала твердо установленная традиция.

Во второй четверти нашего столетия исследователи ранней истории Аттики стали все более отходить от скептицизма своих предшественников. В книгах К. Фримен, У. Дж. Вудхауза и в статьях ряда других ученых заметно более положительное отношение к античной традиции о Солоне. В послевоенной литературе наблюдается, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, почти полное отсутствие интереса к источниковедческим вопросам в связи с деятельностью Солонa. В единственной вышедшей после войны книге о Солоне, принадлежащей перу К. Хэнна, не высказывается ни малейшего сомнения в достоверности не только ранней, но даже позднеантичной традиции о Солоне⁸.

Такое пренебрежение к источниковедческим проблемам вряд ли можно признать правильным; оно, на наш взгляд, представляет собой не шаг вперед, а скорее шаг назад от работ гиперкритической школы, которая, несмотря на неприемлемость ее позиций в целом, сделала немало интересных наблюдений по отдельным источниковедческим вопросам. Поскольку

⁶ A. R. В u r n, *The world of Hesiod*, L., 1936, стр. XIII.

⁷ См. особенно его статью: F. E. A d c o c k, I. *Literary tradition and early Greek code-makers*, «The Cambridge Historical Journal», II (1927), стр. 95 слл.

⁸ К. Н ö n n, *Solon, Staatsmann und Weiser*, Wien, 1948. Хэнн с «точностью» до одного года указывает даты различных событий в истории Аттики не только VIII, но и IX в. до н. э., принимая на веру все, даже самые невероятные утверждения античной традиции.

речь идет о законодательстве, приписываемом Солону, методически правильный путь состоит во всестороннем анализе каждого из этих законов в отдельности; только на надежном основании такого, по возможности, комплексного изучения каждого закона можно прийти к твердым выводам об их датировке и принадлежности. Основной задачей настоящей статьи является попытка проанализировать в источниковедческом плане те законы Солона или приписываемые ему, в которых речь идет о рабах. Такого рода попытка представляет собой необходимую предпосылку для дальнейшей работы над историей возникновения античных форм рабства в Аттике VI века.

Следует еще отметить, что в данной статье мы не будем касаться знаменитого запрета *δουλείου πάσιν ἐπὶ τοῖς σόμασι* (Arist., Ath. pol., 2,2), который был главной исторической заслугой афинского законодателя. Этот и многие связанные с ним вопросы имеют, разумеется, громадное значение для изучения состояния Аттики в VII в. Однако и у Аристотеля, и в соответствующих местах у других античных авторов говорится о запрете долгового рабства, которое играло большую роль до Солона, но было им отменено и с тех пор перестало иметь какое-либо существенное значение, по крайней мере в Аттике⁹. Задача настоящей статьи ограничена: собрать те сведения о рабах в Аттике, которые относятся ко времени не накануне реформ Солона, а непосредственно после этих реформ; именно эти сведения проливают свет на положение рабов в общественных условиях, сложившихся в результате реформ Солона.

Разумеется, отмена долгового рабства неизбежно должна была повлиять на последующее развитие рабовладельческих отношений в Аттике. В частности, на наш взгляд, правильно довольно распространенное в нашей литературе суждение, что запрет порабощения афинян открыл пути для усиленного привоза рабов извне; такого рода суждение подтверждается всем ходом дальнейшего исторического развития Афин в VI, а особенно в V и IV вв. до н. э. Однако отсутствие прямых свидетельств о рабстве в Аттике непосредственно послесолоновского времени заставляло всегда сомневаться в том, начался ли ввоз иноплемennых рабов в Аттику до Солона, при нем, или же значительно позже. Из самого факта запрета порабощать соплеменников вовсе еще не следует с необходимостью вывод, что уже на рубеже VII и VI вв. в Аттике имелось значительное количество экзогенных рабов. Такое заключение настоятельно нуждается в дополнительной аргументации и, прежде всего, в подтверждении его источниками. Рассмотрим, не дает ли законодательство Солона каких-либо данных для проверки этого утверждения.

Как известно, в политических законах Солона нигде нет речи о рабах. Читатель соответствующих глав биографии Солона у Плутарха и «Афинской политики» Аристотеля выносит впечатление об исключительно остром и напряженном положении накануне реформ; в результате сильнейшего обострения социальной борьбы между евпатридами и порабощаемой ими беднотой в Аттике возникла революционная ситуация. Обращает внимание и то, что Солон говорит о продаже многих афинян в рабство (Solo, 3, 24 сл.; 24, 8—15), о *δουλοσύνη* (3, 18; ср. 24, 7, 13 и passim). Но все эти места касаются бедственного положения аттической бедноты накануне реформ. В послереформенных произ-

⁹ Некоторые ученые, главным образом юристы, считают, что Солон запретил продавать в рабство только несостоятельных частных должников. Эти исследователи доказывают, правда на основании очень ограниченного фактического материала, что законодательство Солона не распространялось на тех афинян (и их детей), которые не были в состоянии заплатить свои долги государству. См. E. Weis, Griechisches Privatrecht, Lpz, 1923, т. I, стр. 499, прим. 9 и стр. 508.

ведениях самого Солона мы нигде не найдем ни малейшего указания на рабство. Казалось бы, что ввиду молчания наших источников мы вместо ссылок на свидетельства древних действительно вынуждены ограничиться лишь мало убедительными общими рассуждениями о том, что реформы Солона открыли путь для развития античных форм рабства.

Все же дело обстоит не так уж плохо. С именем Солона связывалось несколько законов, в которых в той или иной связи речь идет о рабах, об их правах и обязанностях, главным образом о том, что им запрещалось делать. Этих законов немного, они не относятся ни к экономической политике, ни к политическому устройству Афин; датировка их, даже в самых общих рамках, представляет немалые трудности. Может быть, именно этим обстоятельством и объясняется тот факт, что до сих пор, насколько мне известно, им не было посвящено ни одной специальной работы. Однако, если бы удалось достаточно аргументировать раннее происхождение этих законов, мы получили бы некоторые сведения о статусе рабов в Афинах не до, а после реформаторской деятельности Солона. Это, в свою очередь, позволило бы частично восстановить важное, до сих пор все еще недостающее звено в истории развития рабства в Аттике. На фоне относительного обилия сведений о рабах в Афинах классического времени предположения о роли и значении рабства в период от Солона до Клизфена оставляли впечатление схематических построений, лишенных опоры в источниках, и поэтому постоянно возбуждали сомнения. Почва для такого рода сомнений была бы утрачена, если бы в источниках можно было обнаружить хотя бы некоторое количество вполне надежных сообщений о рабстве в Аттике именно в VI в. до н. э.

Тексты законов Солона о рабах приводятся, а иногда и цитируются в произведениях многих античных авторов. Такого рода ссылки мы найдем в следующих источниках: Lys., X, 19; Hyper., V, 22; Aesch., I, 10, 15, 138 и 139; Plut., Sol., 1, 3 и 23, 2; Moral., 152d и 751b; Schol. Plat., Phaedr., 231e. Всего мы имеем, таким образом, 11 упоминаний законодательства Солона о рабах. Но это только кажущееся обилие, поскольку многие свидетельства просто, или с весьма незначительными отклонениями, повторяют друг друга. Так, оба места из «Моралий» Плутарха, первая ссылка из его же жизнеописания Солона, текст схолиаста и, наконец, последние два места из речи Эсхина против Тимарха — все эти шесть свидетельств источников относятся, очевидно, к одному и тому же закону. Некоторые другие упоминания также взаимно связаны. Поэтому представляется целесообразным привести сначала все соответствующие места из указанных источников и лишь после этого перейти к их анализу по родственным группам.

Т. 1. Lys., X, 19: οἰκῆρος καὶ βλάβης τὴν δοῦλῃν εἶναι ὀφείλειν ¹⁰

Т. 2. Hyper., IV, 22 (Colin): Σόλων... εἰδὼς ὅτι πολλοὶ ὠνάι [ποιού]νται ἐν τῇ πόλει, ἔθρηξε νόμον δίκαι[ον, ὡς] παρὰ πάντων ὁμολογεῖται, «τὰς [γ]μίας ἄς ἂν] ἐργάσωνται οἱ οἰκέται καὶ τὰ ἀδίκη[μ]ατα διαλύειν τὸν δεσπότην παρ' ᾧ [ἂν ἐργάσ]ωνται οἱ οἰκέται» ¹¹.

¹⁰ Здесь дается только текст рукописи этой речи Лисия. Об эмендациях и переводе см. ниже.

¹¹ Парижский папирус, на котором записана речь «Против Афиногена» (в различных изданиях Гиперида она по-разному нумеруется), плохо сохранился. По этой причине текст интересующего нас закона дошел со значительными лакунами. Что касается конъектур различных издателей, здесь следует указать на следующие: ποιοῦνται предложил Иенсен; Ревийу и Дилье предпочитают ψεύδονται, а Бласс и Кенyon — γίγνονται. Ἀδικήματα — Иенсен, ἀναλώματα — Ревийу, ἀμαρτήματα — Вейль. Мне были доступны только два последних издания речей Гиперида: H u r e r i d e, Discours, par G. C o l i n., P., 1946, и «Minor Attic orators», т. II, by J. O. B u r t t (Loeb), 1954. Указанные в данном примечании разногласия в отношении восполнения

«Солон..., зная, что в городе производится много покупок, установил справедливый, как всеми признается, закон: „Ущерб, который причинят рабы, и их провинности должен возместить хозяин, у которого будут работать рабы“».

Т. 3. Aesch., I, 9 — 10: 'Ο νομοθέτης... προστάττει... καὶ περὶ παιδαγωγῶν ἐπιμελείας.

«Законодатель... приказывает... вести наблюдение также за рабами, сопровождающими детей».

Т. 4. Aesch., I, 15¹²: Ἐὰν τις ὕβριζῃ εἰς παῖδα... ἢ ἄνδρα ἢ γυναῖκα, ἢ τῶν ἐλευθέρων τινὰ ἢ τῶν δούλων, ἢ ἑὸν παράνομόν τι ποιῇ εἰς τούτων τινὰ, γραφὰς ὕβρεως εἶναι πεποιήκειν καὶ τίμημα ἐπέδηκεν, ὃ τι χρὴ παθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι.

«Если кто-нибудь нанесет оскорбление ребенку... или мужчине, или женщине, или кому-нибудь из свободных или из рабов, или же если совершит что-либо противозаконное по отношению к кому-нибудь из этих лиц, закон предписывает вчинять иски об оскорблении и наложил меру взыскания, которую должен понести или уплатить виновный».

Т. 5. Aesch., I, 138: Δοῦλον — φησὶν ὁ νόμος — μὴ γυμνάζεσθαι μηδὲ ξηραλοφεῖν ἐν ταῖς καλαίστραῖς.

«Рабу, — говорит закон, — нельзя ни упражняться, ни натираться маслом в палестрах».

Т. 6. Aesch., I, 139: Πάλιν ὁ αὐτὸς εἶπε νομοθέτης «Δοῦλον ἐλευθέρου παιδὸς μήτ' ἐρᾶν μήτ' ἐπακολουθεῖν, ἢ τύπτεσθαι τῇ δημοσίᾳ μάστιγι πεντήκοντα πληγαῖς».

«И опять сказал тот же законодатель: „Рабу не разрешается ни любить, ни сопровождать свободнорожденного ребенка, или получит публично пятьдесят ударов кнутом“».

Т. 7. Plut., Sol., 1, 3: Σόλων... νόμον ἔγραψε διαγορεύοντα δοῦλον μὴ ξηραλοφεῖν μηδὲ παιδεραστεῖν.

«Солон... составил закон, запрещающий рабу натираться маслом и любить мальчиков».

Т. 8. Plut., Sol., 23, 2: ἐτι δ' οὔτε θυγατέρας πωλεῖν οὔτ' ἀδελφὰς δίδωσι πλὴν ἂν μὴ λάβῃ παρθένον ἀνδρὶ συγγεγεννημένην.

«А также не разрешает продавать в рабство ни дочерей, ни сестер, кроме тех случаев, когда захватит девушку, имевшую связь с мужчиной».

Т. 9. Plut., Moral., 152d: Σὺ γὰρ — ἔφη ὁ Αἰσωπος — οὐπω γέγραφας ὃ τι ὅμοιον ἦν, οἰκέτας μὴ μεθύειν, ὡς ἔγραψας Ἀθήνησιν οἰκέτας μὴ ἐρᾶν μηδὲ ξηραλοφεῖν.

«Ты же, — сказал (обращаясь к Солону) Эсоп, — еще не составил подобной закона, чтобы рабы не пьянствовали, как составил закон, чтобы в Афинах рабы не занимались любовью и не натирались маслом».

Т. 10. Plut., Moral., 751b: Ὡς καὶ Σόλων κατέβαλε· δούλους μὲν γὰρ ἐρᾶν ἀρρένων παίδων ἀπέπεσε καὶ ξηραλοφεῖν, χρῆσθαι δὲ συνουσίαις γυναϊκῶν οὐκ ἐκώλυσε.

«Так же отверг и Солон: ведь он запретил рабам любить мальчиков и натираться маслом, но не воспрепятствовал иметь связи с женщинами».

лакун имеют существенное значение для понимания смысла закона, но, как будет показано ниже, не влияют на его датировку.

¹² Тот же текст, с незначительными отклонениями, приведен и в одной из речей Демосфена (XXI, 47). Мы остановились на тексте Эсхина ввиду того, что у Демосфена нет ссылки на принадлежность данного закона Солону. В Т. 4 дается текст параграфа 15-го, а не 16-го, так как, по общему мнению исследователей, последний параграф был включен в рукопись речи Эсхина кем-то из последующих комментаторов. Термин οἰκετικά σώματα в § 16 абсолютно исключает возможность приурочить этот закон ко времени Солона; см. ВДИ, 1951, № 2, стр. 61; ср. Э. Л. К а з а к е в и ч, Термин δοῦλος и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1956, № 3, стр. 129 сл.

Т. 11. Schol.¹³ Plat., Phaedr., 231e: «Ο δὲ Σόλων τοῖς ἐλευθέροις τὸ ἐπιτήδευμα τετήρηκε δούλον κωλύσας ἔρξιν ξηραλοφεῖν τε καὶ τὸν ἀστράτευτον καὶ τὸν λιπόντα τὴν τάξιν καὶ τὸν μηδὲ θρέψαντα τοὺς γονεάς μηδὲ θάψαντα καὶ τὸ φροῦριον προδεδικότα.

«Солон же... сохранял образ жизни, *достойный* свободных, запретив любить и натирать маслом рабу, а также человеку, не служившему в войске, покинувшему боевой строй, не накормившему и не похоронившему родителей и предавшему *свой* гарнизон».

Все приведенные здесь свидетельства приписывались в античности Солону. На это указывается прямо в местах, взятых из Лисия, Гиперида, Плутарха и схолиаста. Что же касается свидетельств, заимствованных из речи Эсхина против Тимарха, то и в этом случае вряд ли могут быть сомнения в том, что оратор считал автором соответственных законов Солона или, в крайнем случае, Драконта¹⁴. Однако, как уже отмечалось в начале статьи, данное обстоятельство отнюдь еще не предрешает вопроса о принадлежности этих законов Солону. И в самом деле, при более близком рассмотрении приведенных свидетельств мы убедимся, что, по крайней мере, одно из них значительно более позднего происхождения.

Из наших текстов ко времени Солона можно с уверенностью отнести, например, Т. 8. Об этом говорит все его содержание. Свидетельство Плутарха полностью гармонирует со всеми имеющимися сведениями о реформах Солона. Провозглашенный великим афинским законодателем запрет долгового рабства был бы неполным, если бы не были в какой-то степени ограничены права глав семейств в отношении их ближайших родственников. Благодаря Т. 8 исключалась возможность погасить задолженность путем продажи в рабство дочерей и сестер неоплатных должников. Продажа их в рабство была возможна только при строго определенных условиях. Аналогичное законодательство встречается у многих народов древности в ранние периоды их исторического развития. В данной связи следует все же оговорить, что продажа дочерей и сестер в рабство, по всей вероятности, производилась за пределы Аттики. В римских законах XII таблиц члены семьи также продавались, как известно, «по ту сторону Тибра». Все же, хотя Т. 8 и относится, на наш взгляд, ко времени Солона, данный закон не дает никаких дополнительных сведений о рабстве в самой Аттике, а указывает лишь на возможность продажи афинянок за пределы их родины.

Несколько более полезно для целей нашего исследования Т. 3. Правда, у нас нет никаких прямых доказательств того, что Солон издавал какие-либо предписания о нормах поведения подростков в общественных местах, да и сомнительно, чтобы записи такого рода предписаний сохранились на протяжении более чем двух столетий, отделяющих его от Эсхина. Однако наличие института *παιδαγωγός* можно проследить не только в V, но и довольно далеко вглубь VI века до н. э. Так, согласно Геродоту (VIII, 75), некий Сикинн был рабом и *παιδαγωγός* детей Фемистокла. Сикинн, очевидно, является лицом историческим, так как Геродот сообщает, что он был послан Фемистоклом накануне битвы при Саламине с ложным донесением к Ксерксу и что в последующем Фемистокл добился для него гражданских прав в Феспиях. Таким образом, наличие рабов, сопрово-

¹³ Автором этих схолиев является неоплатоник Гермий Александрийский; см. RE, s. v. Hegmeias (1913), стб. 732—735.

¹⁴ Законы, приведенные в § 10, 15, 138 и 139, приписываются Эхином всегда некоему *νομοθέτης*. Под этим словом афиняне IV века понимали Солона, так же как под *ὁ ποιητής* подразумевался Гомер. В начале речи против Тимарха Эхин прямо говорит о великих законодателях древности, называя Солона и Драконта; см. § 6—9 слл., особенно § 14.

ждавших детей своих хозяев, можно считать твердо засвидетельствованным для начала V века. В нашем распоряжении имеются аналогичные сведения и для более раннего времени. У Элиана мы найдем два сообщения о рабах-проводящих в VI в. В первом случае (V. Н., III, 24) он передает анекдот о встрече мальчика Фемистокла и его проводящего — раба с Писистратом. Во втором отрывке (XIV, 20) рассказывается о *παῖδαγωγοί* города Сибариса, разрушенного, как известно, в 510 г. Эти данные свидетельствуют, что и в течение VI в. в знатных семьях Аттики уже существовали рабы-проводящие¹⁵. В качестве таковых использовались обычно старшие, часто увечные рабы-иноземцы; в классическую пору и на статуэтках и в литературе их наделяют чертами варваров. Следовательно, из факта существования института *παῖδαγωγοί* и учитываемая отмена Солоном эндогенного рабства, мы вправе сделать вывод о наличии в Аттике того времени некоторого количества экзогенных рабов.

Исключительный интерес представляет для целей нашего исследования Т. 1. Наш источник — первая речь против Теомнеста¹⁶ — достаточно своеобразен. Спор между истцом и ответчиком идет по поводу так называемого обвинения словом (*κακῆγορίας*). Теомнест во время предшествовавшего процесса обвинил истца в том, что тот убил своего отца. Однако при предварительном рассмотрении дела у дийетета Теомнест заявил, что не чувствует за собой вины, так как закон запрещает называть кого-либо «отцеубийцей»; он же не употребил указанного в тексте закона слова, а сказал только, что истец убил своего отца (X, 6). Лисий, считая такое оправдание казуистикой¹⁷, настаивает на необходимости вести спор не о словах, а по сути дела, и в качестве иллюстрации приводит несколько древних законов, терминология которых, разумеется, значительно отличалась от принятой во времена Лисия. К числу таких архаических законов принадлежит и Т. 1. Данная речь Лисия, как видно из X, 4, датируется вполне точно 384/3 г. до н. э. К этому времени, очевидно, еще достаточно четко ощущалось различие между законами старыми, которые действовали до конца Пелопоннесской войны, и новыми законами, свод которых был составлен после падения Тридцати тиранов путем публичного пересмотра всех действовавших до того времени законов¹⁸.

Лисий перечисляет (X, 16—19), полностью или в отрывках¹⁹, пять

¹⁵ См. также RE, s. v. *Paidagogos* (1942), стб. 2375 слл.

¹⁶ *L y s.*, XI — вторая речь против Теомнеста, — по общему мнению, представляет собой лишь пересказ, притом относительно поздний, первой речи; поэтому она не может быть сочтена самостоятельным источником.

¹⁷ Переводчики и издатели речей Лисия во французской серии Г. Бюде (*L y s i a s, Discours, traduits par L. G e r n e t et M. V i z o s, P., 1924, т. I*; ср. новое издание текста и перевода речей Лисия, принадлежащее перу тех же авторов, P., 1955, стр. 140 слл.) во введении к данной речи напоминают, что греч. *ἀνδροφόνος* в законе означало не «муже- или отцеубийца», а «осужденный за муже- или отцеубийство», опираясь на Dem., XXIII, 29. Если принять их толкование этого слова, тогда надо будет признать, что спор в *L y s.*, X и XI в значительной степени утратит свой казуистический характер.

¹⁸ О кодификации 403 г. будет сказано несколько ниже в связи с анализом Т. 2. В данной связи важно обратить внимание на конец параграфа 15, где оратор требует зачитать *τοὺτους τοὺς νόμους τοῦ Σόλωνος τοὺς παλαιούς*. Порядок слов в этой фразе свидетельствует о том, что оратор осознавал какое-то различие между законами Солона вообще, — таковыми он считал кодифицированные в 403 г., — и, по его словам, древними законами Солона. Лисий неоднократно говорит о законах Солона (XXX, 2, 26, 28; ср. фрагмент XI в издании Жерне и Бизоса); однако только в речи против Теомнеста подчеркивается древность цитируемых в ней законов.

¹⁹ Среди перечисленных в § 16—19 текстов или отрывков законов мы имеем грамматически законченные фразы в законах о заключении в колодки, о поручительстве Аполлона и о процентной ставке. У нас, разумеется, не может быть уверенности в том, что Лисий привел текст этих законов полностью, но все же основное их содержание дано без существенных купюр. В этой связи стоит отметить, что в §§ 15 и 16 оратор

законов Солонa, которые сам он подчеркнуто определяет как древние. Все эти законы действительно весьма архаичны и по языку и по содержанию. Большую часть встречающихся в их тексте терминов оратор поясняет современными ему греческими словами. Такие слова, как *ποδοκίχηη*, *δρασκήζειν*, *ἀπίλλειν* и т. д., вышли из употребления в IV в.; другие, например, *στάσιμος*, приобрели с течением времени совсем иной смысл. Вряд ли может быть какое-либо сомнение в глубокой древности приводимых в данной речи законов. Достаточно одного такого места из Лисия, чтобы окончательно убедиться в обоснованности утверждений гиперкритиков о том, что в IV в. не сохранилось никаких записей подлинного солонического законодательства.

Ввиду того что язык цитируемых Лисием законов явно архаичнее, чем язык дошедших до нас в большом числе элегий Солонa, вполне уместен вопрос: имеем ли мы в таком случае право приписывать данные законы именно этому законодателю? Мне кажется, что ответ на этот вопрос должен звучать утвердительно. Учитывая известный нам по другим источникам уровень общественного развития Атики, вполне естественно ожидать, что Солон во многих случаях ограничивался формулированием и записью норм обычного права, которые складывались в течение столетий, и лишь иногда менял эти нормы. Следы аналогичного обращения легко найти и у Гомера и особенно у Гесиода²⁰. Кроме того, необходимо иметь в виду, что формировавшаяся юридическая терминология времен Солонa была, разумеется, более архаичной, чем язык его элегий, который, несмотря на сильное еще влияние эпоса, был ближе к разговорному. Поэтому архаичность словарного фонда в анализируемых нами параграфах из X речи Лисия несколько не препятствует установлению соответственных законов Солону, а, наоборот, скорее подтверждает такую датировку. Сочетание терминов *οἰκεύς* и *δοῦλη*, встречаемое в рукописи T. 1, также находит полную параллель только в гомеровском эпосе²¹.

Трудность анализа T. 1 состоит, следовательно, не в датировке данного свидетельства, которая, на наш взгляд, абсолютно несомненна. Камень преткновения заключается в восстановлении фрагмента; дело в том, что единственным первоисточником для этой, как впрочем и для многих других речей Лисия, является Палагинский кодекс X²². Между тем в T. 1 кодекс не дает никакого смысла. Ввиду такого положения различные издатели речей Лисия по-разному исправляли это место. В настоящее время²³ широко принята конъектура немецкого филолога третьей четверти прошлого века Г. Фробергера; иное чтение предлагает К. Гудэ в оксфордском издании Лисия. Наконец, особый вариант эмендации данного места отстаивают новейшие издатели речей Лисия, упомянутые уже выше

предлагает зачитать законы вообще, а в § 18 — только «к о н е ц в о т э т о г о з а к о н а». Закон о заключении в колодки (X, 16) повторяется в несколько более развернутой форме Демосфеном (XXIV, 105). Совсем по-иному обстоит дело с законами, о которых идет речь в §§ 17 и 19, где приводятся лишь скудные фрагменты, по которым очень трудно создать представление о содержании этих законов в целом.

²⁰ В этом плане представляет интерес статья А. Ноекстра, Hésiode, *Les Travaux et les Jours*, 405—407; 317—319, 21—24. L'élément proverbial et son adaptation, «Mnémosyne», III (1950), стр. 89—114. Сравнивая места, общие у Гесиода и у Гомера, автор выделяет народные пословицы, использованные в эпосе.

²¹ См. Я. А. Л е н ц м а н, Об историческом месте гомеровского рабства, ВДИ, 1952, № 2, стр. 43 сл.

²² Лаврентинский кодекс X, как уже было доказано еще в прошлом столетии, несомненно, имеет в качестве своего архетипа Палагинский кодекс X и поэтому не может учитываться в качестве самостоятельной рукописи. Кстати, в T. 1 имеется полное совпадение X и C.

²³ Обстоятельную сводку различных конъектур ученых более раннего времени см. в труде М. С. К у т о р г и (Собр. соч., СПб., 1894, т. I, стр. 172, прим. 4).

Л. Жернэ и М. Бизос. Для наглядности начнем с сопоставления всех этих вариантов.

I (Cod. Pal. X): οἰκῆος καὶ βλάβης τὴν δοῦλην εἶναι ὀφείλειν

II (Фробергер): οἰκῆος καὶ δοῦλης διπλῆν τὴν βλάβην ὀφείλειν

III (Гудэ): οἰκῆος [καὶ] βλάβης τὴν διπλῆν εἶναι ὀφείλειν

IV (Жернэ и Бизос): οἰκῆος [καὶ] βλάβους τὴν ἀπλῆν τιμῆν ὀφείλειν

Как видно, предлагаемое Л. Жернэ и М. Бизосом чтение уводит нас очень далеко от рукописного текста; вместо преодоления трудностей авторы уходят от них. Эмendaция Гудэ наиболее близка к тексту рукописи; она сводится фактически лишь к устранению союза *καὶ* и к замене дифтонга *ου* в слове *δοῦλην* буквами *ιτ*. Конъектура Фробергера дает значительно лучший вариант с точки зрения норм классического языка IV века, но также довольно серьезно отклоняется от рукописного текста. Само собой разумеется, у нас нет ни малейших оснований требовать, чтобы текст закона Солона соответствовал литературным образцам классического времени. Исходя из указанных соображений, следовало бы, пожалуй, считать наиболее приемлемой конъектуру Гудэ. Тем не менее я не думаю, что в данном случае можно просто отбросить союз *καὶ*; падеж и число первого и третьего слова в Т. 1 одни и те же, поэтому союз между ними вполне уместен. С другой стороны, слову *οἰκέος* по смыслу наиболее соответствует слово *δοῦλη*. Поэтому можно предположить, что единственная ошибка переписчика состояла в замене слов *βλάβη* и *δοῦλη*. Если это так, то Т. 1 следует читать: *οἰκῆος καὶ δοῦλης τὴν βλάβην εἶναι ὀφείλειν*. Такое чтение данного места было принято еще в первой половине прошлого века; так же понимал его вначале и упоминаемый уже Г. Фробергер. В русском переводе речей Лисия С. И. Соболевский следует именно этой ранней, а не более поздней конъектуре Г. Фробергера, переводя Т. 1 следующим образом: «платят за повреждение слуги и рабыни».

Несколько слов об эмendaции *δοῦλην* на *διπλῆν* (resp. *ἀπλῆν*). Обоснованием этой эмendaции для всех издателей и исследователей речей Лисия служило, по-видимому, следующее соображение. В греческом законодательстве IV века существовал принцип, наиболее четко сформулированный Демосфеном (XXI, 43): «Законы предписывают возмещать ущерб в двойном размере, если таковой нанесен умышленно, и в равном, — если без умысла». (ср. Plat., Leg., 936 d; Lys., I, 32). Принятие упомянутой эмendaции, разумеется, предполагает, что в том же законе имелась еще особая оговорка, вроде *ἐκόν* или *ἐκούσιος*. Все же, учитывая, что перед нами лишь небольшой фрагмент закона, притом, как это видно из терминологии, весьма древнего по сравнению с законодательством IV века, на наш взгляд, нет необходимости настаивать именно на этой эмendaции. Вполне возможно, что в Т. 1 речь могла идти просто о возмещении ущерба, притом необязательно в двойном размере. Размеры возмещения нанесенного ущерба указывались далеко не во всех случаях. Возможно также предположить, что указание *διπλάσιον* могло быть в дальнейшей части закона, как это мы видим, например, в одном месте у Платона (Leg., 936 d). Все эти соображения делают указанную эмendaцию весьма спорной и заставляют нас сохранить в Т. 1 рукописное *δοῦλην*.

Нам остается еще рассмотреть весьма существенный вопрос о том, что же конкретно означает оборот *οἰκῆος καὶ δοῦλης βλάβη*. Грамматически можно с равным основанием предполагать здесь как *genit. subiectivus*, так и *genit. obiectivus* — в зависимости от того, причинил ли раб ущерб или сам понес его. Мнения интерпретаторов Т. 1 значительно расходятся²⁴.

²⁴ Как *genit. subiectivus* понимает данное место, например, Дж. Сэндс в своем комментарии к «Афинской политике» Аристотеля, 52,2; см. J. E. Sandys, Aristotle's

В пользу понимания данного места в первом из указанных значений говорит наличие особого юридического термина $\deltaίκη \alphaὐδραπόδων$ (по отношению к животным — $\tauετραπόδων$). Под данным термином подразумевалась ответственность рабовладельца за убыток, который причиняли его рабы (или животные) третьим лицам. Указанные виды исков представляли собой частные случаи исков об ущербе вообще. Типичными примерами закона, налагающего на рабовладельца обязанность возмещения убытков, причиненных его рабами, могут служить цитируемый Гиперидом закон Солона (Т. 2) и упомянутое выше место из «Законов» Платона (936d). Сюда же, по-видимому, относится и замечание Аристотеля о компетенции $\epsilonἰσαγωγής$ по отношению к рабам (Ath. pol., 52,2)²⁵.

За понимание Т. 1 как *genit. obiectivus* говорит прежде всего его контекст. В параграфе, непосредственно предшествующем Т. 1, оратор предлагает зачитать «к о н е ц вот этого закона» ($\tauουτοῦ τοῦ νόμου τὸ τελευτάου$), но в следующем параграфе даны два фрагмента: сначала $\deltaσοι δὲ πφαζιμένως κολούονται$ (Cod. Pal. X)²⁶, а уж затем следует Т. 1. Первый фрагмент находит полную аналогию у Плутарха (Sol. 23, 1), где говорится о штрафах, налагаемых за изнасилование женщин, «кроме тех, которые открыто продают себя». Внутренняя связь этих двух фрагментов, приписываемых и Лисием и Плутархом Солону, кажется мне неоспоримой. Это обстоятельство, в свою очередь, дает основание полагать, что и в анализируемом нами фрагменте речь шла о насилии, совершенном над рабами или рабынями²⁷.

Все же в таком случае надо будет признать, что либо сам Лисий, либо какой-то из его переписчиков уже не понимал смысла цитируемого в речи закона, так как в противном случае он бы не пояснил $κωλύεισθαι$ через $\betaαδίζειν$. Мне кажется, что наиболее вероятно именно последняя возможность, и поэтому я бы остановился на переводе Т. 1: «должен возместить ущерб, причиненный рабу или рабыне».

Но даже если принять, что в Т. 1 речь идет об ущербе, причиненном рабу или рабыне, то и в этом случае закон не преследовал цель защищать интересы раба или рабыни; законодатель стремился максимально охранять не рабов, а лишь их собственников. Рабы интересовали Солона лишь в плане охраны собственности рабовладельцев. Рабовладельче-

Constitution' of Athens, L., 1912, стр. 201. На это место в комментарии Сэндса мне любезно указала Э. Л. Казакевич. Во втором смысле понимают Т. 1 Л. Жернэ и М. Бизос, а также многие другие ученые, особенно западноевропейские специалисты по истории древнегреческого частного права.

²⁵ Здесь стоит отметить, что и $\deltaίκη \tauετραπόδων$ также восходит к солоновским законам. Плутарх (Sol., 24, 1) сообщает, что Солон издал закон, согласно которому собака, укусившая человека, должна быть выдана потерпевшему с ошейником и привязанной к нему веревкой в три локтя длиной. Ср. намек на тот же закон у Ксенофонта (Hell., II, 4, 41) и фрагмент из речи Лисия «В защиту собаки» у Гарпократиона, s. v. $\muηρίων$. В основе и одного (Т. 1) и другого (Plut., Sol., 24, 1) закона лежит один и тот же юридический принцип: между рабами и четвероногими, с точки зрения закона, нет существенной разницы. И те и другие являются лишь объектом собственности: материальную ответственность за их поступки несут полностью их хозяева.

²⁶ В кодексе С, который, как уже отмечалось выше, переписан с X, мы имеем $κωλύονται$ через о; эта эмendaция переписчика объясняется тем, что в тексте речи данное слово поясняется как синоним $\betaαδίζειν$.

²⁷ Ближайшей параллелью Т. 1 в постулируемом нами понимании этого фрагмента следует считать закон одного из наиболее ранних древнегреческих законодателей Харонда, сохранившийся в «Мимиабах» Геронда (II, 46 слл.):

Свободный, если он рабу изувечит,
Иль изнасилует, двойной платить должен
Штраф по суду...

ский характер данного закона станет еще более очевидным, если понимать его в том смысле, что за ущерб, нанесенный кому-либо рабом, материальную ответственность несет владелец раба. Спор здесь идет только между рабовладельцем и третьим лицом, которое нанесло или же претерпело ущерб. И в том и в другом случае рабы выступают как лишенный своих личных прав объект собственности. Принимая во внимание, что архаический язык закона несомненно свидетельствует об его большой древности, следует признать, что переход от патриархальных к античным формам рабства начался в Аттике очень рано; во всяком случае, при Солоне этот процесс уже продвинулся довольно далеко вперед.

Сопоставив теперь Т. 1 и Т. 2, мы легко заметим, что, наряду с кое-какими чертами сходства, между ними имеются и весьма существенные различия. Подобие этих двух законов, которые иногда отождествлялись в литературе, фактически ограничивается выше отмеченным моментом: и в Т. 1 и в Т. 2 речь идет о материальной ответственности за ущерб, имевший место в результате каких-то отношений между рабами и третьими лицами; притом в обоих свидетельствах раб трактуется лишь как предмет собственности рабовладельца, или, как это образно определил один из византийских риториков, ἀπρόσωπος ἔστιν²⁸. Мотивировка этого принципа в контексте Т. 2 ярко отражает образ мышления рабовладельца — частного собственника. Непосредственно после приведения Т. 2 Гиперид продолжает: «И правильно; ведь если раб совершит что-то дельное или найдет занятие (ἐργασίαν), все это идет его владельцу». Отсюда следует общий для Т. 1 и Т. 2 принцип: раб уже в силу своего рабского состояния не может считаться юридическим лицом. Однако во всем прочем оба свидетельства резко отличаются друг от друга.

Прежде всего очень велики расхождения в терминологии. В Т. 1 рабы называются иначе, чем в Т. 2. Больше того, Лисий (там же) поясняет архаический для его времени термин οἰκῆος синонимом θεράπωντος, в то время как в Т. 2 дважды употребляется другой термин — οἰκέτης. Расхождение в терминологии играет в данном случае большую роль; оно показывает, что Т. 1 и Т. 2 не восходят к одному архетипу. Не менее важны и расхождения в содержании обоих свидетельств. Однако для уточнения этих расхождений необходимо предварительно напомнить предмет судебного спора в речи Гиперида «Против Афиногена».

Сущность дела состояла в том, что истец²⁹ купил у некоего Афиногена понравившегося ему мальчика-раба вместе с его братом и отцом; последнего звали Мидасом. Афиноген уговорил истца приобрести одновременно с рабами, притом за ту же сумму в 40 мин, и лавчонку на агоре, где Мидас торговал благовониями. Спустя три месяца истец к своему величайшему ужасу обнаружил, что долговые обязательства за товары в купленной им лавчонке составляют целых пять талантов (=300 мин). Ко всему этому в контракте о приобретении трех рабов и лавчонки истец подписал обязательство уплатить все лежащее на последней долговые обязательства. В этих обстоятельствах Гиперид стремится доказать, что задолженность за благовония обязан покрыть не истец, а Афиноген, ибо в то время Мидас принадлежал ему и он несет юридическую ответственность за все действия его бывшего раба.

В подкрепление своего требования истец приводит целый ряд законов, часть из которых заведомо не относится к данному делу. Т. 2 является

²⁸ Цитирую по L. V e a u c h e t, Histoire du droit privé de la république Athénienne, P., 1897, т. II, стр. 453.

²⁹ По предположению Бласса, к которому присоединяется издатель речей Гиперида в серии Г. Бюдэ—Колен, истца звали Эпикратом; см. H u r é g i d e, Discours, стр. 210, прим. 3.

последним и по замыслу оратора, по-видимому, самым тяжелым орудием во всей этой батарее ссылок. По существу говоря, для того чтобы подкрепить позицию истца, необходимо было найти закон, который бы, в отличие от принципа римского законодательства *poxa caput sequitur*, защищал противоположный тезис, а именно, что в случае продажи раба его прежний владелец продолжает нести материальную и юридическую ответственность за все действия раба, совершенные последним до его продажи следующему владельцу. Разумеется, Т. 1 был бы непригоден для аргументации оратора, стремившегося убедить гелиастов в ответственности Афиногена за действия Мидаса.

Насколько соответствует этому требованию Т. 2? Оба известных мне издателя речей Гиперида (ср. прим. 11) считают, что таково и есть содержание этого закона. Однако здесь все же уместны некоторые сомнения. Вряд ли после слова *δεσπότην* требуется еще определительное предложение *παρ' ᾧ[δὲν ἐργάζεσθαι οἱ οἰκέται*. *Δεσπότης* по отношению к рабам, насколько мне известно, может означать только рабовладельца, а не нанимателя³⁰. Отсюда следует, что восполнение лакуны [δὲν ἐργάζεσθαι] также не является несомненным. К сожалению, я не в состоянии предложить приемлемое восполнение. Что касается общего смысла придаточного предложения, то можно полагать, что в нем речь шла о сдаче рабов в наем: ср., Dem., LIII, 20.

Каким же временем можно датировать Т. 2? Гиперид считает данный закон принадлежащим Солону, подчеркивая при этом (IV, 21), что именно этот законодатель был «наиболее благосклонен к демосу». Однако в Афинах IV века принято было ссылаться на «законы предков» и особенно на «демократа» Солона. Во время слушания дела это обеспечивало положительное отношение хотя бы части гелиастов к ораторам; последние зачастую злоупотребляли этим обстоятельством. Поэтому одного только свидетельства Гиперида недостаточно для того, чтобы быть уверенным в принадлежности Т.2 именно Солону. Против такой датировки можно привести несколько весьма веских соображений.

Прежде всего, в отличие от Т.1, язык Т.2 типичен для IV, а никак не для начала VI в. В качестве доказательства древности Т.2 обычно ссылаются на оборот *ζητίας ἐργάζεσθαι*, якобы восходящий к архаическому времени. Так, Л. Жернэ в недавно вышедшем сборнике его статей заявляет: «оборот *ζητίας ἐργάζεσθαι* кажется архаичным; он, несомненно, не происходит из языка классической эпохи»³¹. Еще более категорически пишет издатель речей Гиперида в серии Лоев'а Дж. О. Бартт: «*ζητίας ἐργάζεσθαι*, очевидно, представляет собой древний юридический оборот»³². Основания для такого рода утверждений, переходящих из книги в книгу, мне неизвестны. Интересующий нас оборот не встречается ни у одного из наиболее ранних авторов; а ведь в данном случае речь могла бы идти только о Солоне и его предшественниках. Между тем этот оборот встречается у Исея (VI, 20) и у Страбона (V, 1, 9, р. 215)³³. Речь Исея об имении Филоктемона была произнесена в 364 г. до н. э.³⁴, а речь Гиперида про-

³⁰ Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением J. W. Jones, *The law and legal theory of Greeks*, L., 1956, стр. 281, прим. 1: «У Гиперида слова *παρ' ᾧ*, вероятно, означают, что сданный в аренду раб делает ответственным за свои проступки не хозяина, а нанимателя»; ср. стр. 266, прим. 4.

³¹ L. Gernet, *Droit et société dans la Grèce ancienne*, P., 1955, стр. 156, прим. 2.

³² «*Minor Attic orators*», т. II, стр. 447, прим. 6.

³³ Указанием на оба места, и у Исея и у Страбона, я обязан любезности Э. Л. Казакевич, за что приношу ей глубокую благодарность.

³⁴ В § 14 говорится, что прошло уже 52 года со времени Сицилийской экспедиции.

тив Афиногена — вскоре после 330 г. до н. э.³⁵. Ввиду всего этого вряд ли можно утверждать, что данный оборот является «архаическим», или же что он не принадлежит к «классической эпохе».

Да и по существу нет никаких оснований относить Т.2 к началу VI в. Закон Т.2 мог возникнуть только в такой обстановке, когда определенная прослойка рабов уже относительно часто работала вне дома своего хозяина, сдавалась им в наем или же меняла своих владельцев. Глагол ἐργάζεσθαι также указывает скорее на использование этих рабов в ремесле, рудниках или скорее всего в мелкой торговле, чем в домашнем обслуживании. Все эти соображения заставляют нас решительно отказаться от датировки Т.2 временем великого афинского законодателя³⁶.

Гиперид предваряет Т.2 характерной мотивировкой, кстати говоря, также приписывая ее самому Солону. Согласно Гипериду, необходимость издания этого закона выявилась в связи с наличием многих покупок (ὄναι). Связь между покупками и рабами можно и в данном случае объяснить двояким образом в зависимости от того, производили ли рабы покупки или же сами они были предметом купли-продажи. Французский издатель речей Гиперида отдает предпочтение второй возможности и переводит данное место: «зная, что часто производятся покупки (рабов) в городе». Если к тому же принять вместо ἀ[δίκη]ματα предлагаемое Ревийю восполнение ἀ[ναλώμ]ατα³⁷, то отнесение Т.2 ко времени Солона станет еще менее вероятным. У нас нет оснований предполагать столь значительное развитие товарно-денежных отношений и рабства в Аттике начала VI века³⁸.

Однако если нельзя датировать Т.2 временем Солона, то следует все же попытаться определить, хотя бы приблизительно, время издания этого закона. Здесь мы можем высказать лишь несколько довольно общих соображений. В качестве terminus ante quem, думается, можно с уверенностью принять 403 год. Как уже указывалось выше, данная речь Гиперида датируется вполне точно временем после 330 года. Ссылка оратора на закон именно Солона заставляет нас отнести Т.2 ко времени, отстоящему, по крайней мере, на два-три поколения от 330 г. Последний пересмотр свода законов имел место в Афинах сразу же после ниспровержения тирании Тридцати. Согласно Андокиду (I, 83 сл.)³⁹, эkklesia приняла тогда постановление в принципе «пользоваться законами Солона... и Драконта». Однако, учитывая необходимость привести эти

³⁵ В § 32 указывается, что прошло более 150 лет со времени событий, связанных с битвой при Саламине.

³⁶ Л. Жернэ (ук. соч., стр. 156 и прим. 2) относит Т. 2 к Солону «и по языковым соображениям и по существу». О его «языковых соображениях» нам пришлось достаточно подробно говорить выше в связи с оборотом ζημίαις ἐργάζεσθαι. Что же касается аргументации «по существу», то он указывает на следующие моменты: 1) принцип, положенный в основу данного закона, известен нам из других ранних законодательств; 2) в общей формулировке Т. 2 нет еще различий и уточнений, присущих более позднему времени; 3) гиперидов термин οἰκέτης, возможно, представляет собой омоложненное οἰεῖς из Т. 1. Все эти соображения кажутся мне неубедительными. Если бы Л. Жернэ внимательно сравнил Т. 1 и Т. 2, он вряд ли утверждал бы, что принцип Т. 2 встречается в других ранних законодательствах. Т. 2, несомненно, значительно более разработано, чем Т. 1; считать эти законы одновременными вряд ли возможно. Гипотеза об «омоложении» οἰεῖς могла бы быть принята только в том случае, если бы была доказана генетическая связь между Т. 1 и Т. 2. Таковой отсутствует. Слово οἰκέτης является одним из наиболее распространенных терминов, обозначающих рабов. Нельзя же в любом случае предполагать, что оно заменило слово οἰεῖς.

³⁷ См. выше, прим. 11. В пользу этой конъектуры высказывается и Л. Жернэ (ук. соч., стр. 155, прим. 2).

³⁸ Все указанные соображения заставляют меня отказаться от предложенной мною в 1951 г. датировки Т. 2 временем Солона (ВДИ, 1951, № 2, стр. 56).

³⁹ Красочное описание предистории пересмотра законов дает Л и с и й в речи «Против Никомаха» (XXX, 2—4, 11 и 25).

законы в соответствие с новыми условиями общественной жизни, афинское народное собрание поручило буле избрать особую комиссию номофетов и обнародовать проект свода законов для всеобщего обсуждения. После утверждения нового кодекса буле и комиссией из 500 номофетов, избранных по демам, весь свод должен был быть вырезан на камне, «чтобы каждый желающий был в состоянии его обозреть». В случае, если бы цитируемый Гиперидом закон вошел в жизнь после упомянутой кодификации, он явно был бы слишком недавнего происхождения для того, чтобы приписать его авторство Солону. К тому же законы, включенные в кодекс 403 года, с течением времени все чаще стали приписываться Солону или Драконту.

Труднее предложить для Т.2 *terminus post quem*. Поскольку речь идет об Афинах, то наиболее раннее свидетельство о конфликтах, которые могли бы послужить предлогом для издания аналогичных Т.2 законов, это, пожалуй, псевдо-Ксенофонта «Афинская политика» (I, 10 сл.). Здесь же в одном месте отмечается факт сдачи рабов в наем (I, 17). На этом основании можно было бы условно отнести Т.2 к середине или второй половине V в.

Среди приведенных выше свидетельств особое место занимает Т.4. В отличие от подлинно солоновских законов, отличающихся краткостью, в Т.4 обстоятельно перечисляются все категории лиц — потенциальных объектов оскорбления: мужчины и женщины, свободные и рабы, даже дети. Не менее характерно и то, что хотя в Т.4 не указан размер наказания, но одновременно говорится, по какой, так сказать, статье подлежит наказанию виновный; предусмотрено здесь также не менее двух мер наказания; одна из них — в виде денежного штрафа⁴⁰. Все эти штрихи, особенно последний, характерны для афинского судопроизводства IV в., но не для времени Солона. Да и вряд ли можно предположить столь высокий уровень развития судебного дела в то время, когда в Аттике только возникало законодательство. Термин *παράνομος* встречается впервые у авторов середины V в.; до этого соответствующее понятие определялось словами типа *δυσνομία*. Таковы соображения, заставляющие датировать Т.4, по крайней мере в дошедшей до нас редакции данного закона, временем значительно позже Солона. Это, разумеется, не исключает возможности возникновения какого-то прообраза Т.4 еще в очень раннюю пору. Возможно, что отмеченные подробности были внесены в закон об оскорблении уже после его возникновения соответственно духу более позднего времени⁴¹. К стати сказать, между формулировками Т.4 и закона, приведенного в следующем параграфе речи Эсхина против Тимарха, также имеются весьма значительные различия. Последний закон разработан намного более обстоятельно, чем Т. 4.

Наше свидетельство отличается от других анализируемых в данной статье законов Солона не только по форме, но и по существу. Основной тенденцией всех предшествовавших свидетельств было, как мы видели, стремление как-то отделить свободных от рабов. В данном свидетельстве выступает противоположная тенденция: в некоторых, строго определенных случаях рабы, очевидно, приравнивались к свободным. Согласно Т. 4, насилие над рабами в принципе расценивалось так же, как над свободными. Данное обстоятельство вызывало удивление и у самого оратора, который пытается увидеть здесь проявление заботы Солона о...моральном

⁴⁰ Ἀποτέμωσις — технический термин для обозначения денежных штрафов.

⁴¹ Текст Т. 4 повторяется без каких-либо существенных отклонений и в одной из речей Демосфена (XXI, 46 сл.). Упоминания об этом законе можно найти и у других античных авторов. Ссылки на источники и на литературу см.: E. Weiss, стр. 160—163.

уровне свободных: «Ибо законодатель, — заявляет Эсхин (I, 17), — усердствовал вовсе не ради рабов; он предписал не оскорблять рабов, желая приучить вас держаться подальше от оскорбления свободных».

О попытках как-то защитить рабов от ἕβρις свидетельствует не только Эсхин, но и ряд других ораторов того же столетия: Демосфен (XXI, 46 сл.), Гиперид и Ликург (Athen., VI, 267 а). Демосфен также выражает недоумение, почему закон защищает рабов от оскорблений, и доказывает, что законодатель стремился в данном случае осудить самый факт такого преступления вне зависимости от того, кто является жертвой преступления: свободный или раб. Как бы то ни было, обоих ораторов — и Эсхина и Демосфена — ставит в тупик одно и то же обстоятельство: защита рабов законом. Очевидно, в середине IV в. это стало уже непонятным ввиду того, что резко изменилось общественное положение рабов. Следует подчеркнуть в данной связи, что перелом в отношении к рабам в Афинах имел место задолго до времени жизни упомянутых ораторов. Примерно столетием раньше неизвестный автор «Афинской политики» (I, 10) тоже жаловался на то, что, в отличие от Лакедемона, в Афинах граждане не имеют права бить чужих рабов. Следовательно, у нас нет оснований сомневаться в самом факте частичной охраны рабов афинским законодательством.

Какими причинами следует объяснить относительную мягкость афинских законов? В качестве подлинной причины этого явления вряд ли может быть принято объяснение Эсхина и аналогичное толкование Демосфена. Эти люди, столкнувшись с непонятным им общественным явлением, искали объяснения, исходя из условий окружающей их обстановки. Как мы видели, они не могли даже представить себе, что закон рабовладельческого общества может взять под защиту раба в качестве человека. Несколько ближе к истине, как мне кажется, псевдо-Ксенофонт, который выдвигает в качестве причины такого странного, на его взгляд, предписания закона то обстоятельство, что в Афинах трудно отличить по внешнему виду свободного от раба, и поэтому толкует запрет бить чужих рабов как средство охраны беднейших граждан от оскорбления. Однако и этот автор явно не учитывает того момента, что запрет избияния рабов чужими был выгоден не только свободной афинской бедноте, но прежде всего богатым рабовладельцам. Последние, как известно, еще во время Пелопоннесской войны, а возможно и раньше, сдавали в наем большое число своих рабов. Охрана рабов законом, хотя бы перед побоями, представляла собой некоторую гарантию интересов их владельцев. Следовательно, и имущей верхушке афинских рабовладельцев, получавших большие прибыли от сдачи рабов в наем, и городской бедноте было выгодно обеспечить хотя бы какую-то охрану рабов. В условиях широко распространенного частновладельческого рабства Афины были вынуждены отказаться от той лаконской практики жесточайшего обращения с рабами, которая вызвала столь неумеренное восхищение автора олигархического памфлета.

Можно ли дать иное объяснение причин появления Т. 4? Предположим, что данный закон восходит к древним нормам обычного права, относящимся ко временам патриархального рабства, когда в рабе видели не только рабочую скотину, но и человека. В таком случае целью Т. 4 была бы защита человеческого достоинства рабов. На такой точке зрения стоит, в частности, американский ученый Г. Р. Морроу, к анализу концепции которого мы перейдем несколько ниже. Однако при такого рода предположении вызывает удивление не только сохранение этого закона на протяжении нескольких веков бурного развития Афин, но и продолжающаяся разработка данного закона и его обростание все более детализи-

рованными предписаниями. А ведь, согласно Морроу, этот закон в классическую пору был уже анахронизмом.

Следует также отметить, что Т. 4, как, впрочем, и другие анализированные в нашем исследовании законы о рабах, воспринимает рабов в качестве объектов, а не субъектов права: в нем запрещается производить какие-то действия над рабом, а не самому рабу.

В отличие от многих частных *δίκαι*, *γραφῆ ὄβριεως* носила публично-правовой характер⁴². Ответчик в случае признания его виновным платил штраф в пользу полиса, а не истца или потерпевшего. Право вчинять иск имели не только пострадавшие, но и другие лица. Так как эволюция законодательства, как правило, идет от частного права к публичному, имеются основания полагать, что *γραφῆ ὄβριεως* возникла уже после Солон.

Вопрос о времени возникновения *γραφῆ ὄβριεως* очень сложен. Этот вопрос, разумеется, значительно шире, чем датировка Т. 4, которой мы касались выше. Последнее известное мне исследование данного вопроса — это статья упомянутого Г. Р. Морроу, появившаяся два десятилетия назад⁴³. Морроу посвящает интересующему нас вопросу довольно много места в своем труде, хотя основная тема его исследования — это не столько законодательство о насилиях над рабами, сколько юридический анализ случаев убийства рабов в Аттике. Его выводы о глубокой древности афинских законов, воспрещавших убийство рабов, кажутся правильными. Иное дело — законодательство о *γραφῆ ὄβριεως*. Между тем, автор статьи считает «возможным доказать, что оба закона — и о *φόνος* и о *ὄβρις* — древние» (ук. соч., стр. 226). В пользу древности закона об убийстве Г. Р. Морроу выдвигает следующие соображения: 1) согласно традиции, дела об убийстве — древнейшая часть афинских законов; 2) требование ритуального очищения после убийства раба должно быть весьма древним именно в силу его связи с религиозным ритуалом. Оба эти соображения достаточно вески для того, чтобы согласиться с выводом автора. Что касается закона о *ὄβρις*, то, по словам Морроу, «имеются хорошие доводы в пользу утверждения, что он по меньшей мере столь же древний, как Солон. Необычность...его предписаний, охраняющих рабов, сам термин *ὄβρις*, столь древний и с таким трудом поддающийся точному определению, его тесные связи с религиозными чувствами — все это хорошие доказательства в пользу древности этого закона» (там же).

Мы привели столь длинную цитату из статьи Г. Р. Морроу, чтобы показать, какое глубокое качественное различие имеется между его аргументами в пользу древности одного и другого законов. Действительно, нет оснований сомневаться в большой весомости его соображения о древности законов об убийстве. Это твердо засвидетельствовано традицией о мероприятиях Драконта и не вызвало сомнений ни у кого из исследователей. Что же касается аргументации Морроу о *γραφῆ ὄβριεως*, то все приведенные им соображения представляются крайне слабыми. Предписания, охраняющие рабов, в самом деле необычны; однако, как было показано выше, они полностью соответствовали интересам афинских рабовладельцев классической поры. Понятие *ὄβρις* действительно очень древнее и встречается в древнейших литературных памятниках, но ведь в данном случае речь идет не о слове, а о законе, который незасвидетельствован ни для VI, ни для V в. Трудность уточнения смысла соответствующего закона также во многом надумана. В IV в. под действие этого закона попадали вполне определенные поступки. Диапазон подсудных действий, охватываемых этим законом, в IV веке значительно шире, чем

⁴² См. Jones, ук. соч., стр. 117 сл.; Weiss, ук. соч., стр. 161.

⁴³ G. R. Morrow, *The Murder of Slaves in Attic Law*, CPh, XXXII (1937), стр. 210—227.

убийства; под действие этого закона подпадала также *αἰσχουρήγία* и ряд аналогичных преступлений. Основное различие состояло, по-видимому, лишь в публично-, а не частноправовом характере судебного дела. Наконец, связь *γραφὴ ὑβρέως* с религиозными чувствами также не была органической. Она выступает отчетливо в речи Демосфена против Мейдия, но как же было оратору не использовать такой выигрышный момент, если нападение на него было произведено во время праздника, да притом еще, когда сам он выступал в качестве одного из должностных лиц? Закон об оскорблении имел, во всяком случае в IV в., вполне светскую окраску; случаи же применения данного закона в более раннее время нам неизвестны. Все сказанное вовсе не предрешает поздней датировки *γραφὴ ὑβρέως*, а говорит лишь об отсутствии достаточно веских соображений в пользу древности данного закона.

Остальные свидетельства источников (Т.5—Т.7 и Т.9—Т.11) по форме и по содержанию очень близки друг другу, и, очевидно, восходят к одному и тому же первоисточнику. Если даже отбросить Т.9⁴⁴ и Т.10⁴⁵ как простой пересказ Т.7, разукрашенный кое-какими несущественными подробностями, и то останется несколько источников, восходящих к одному ядру: к закону, который запрещал рабам *ἐρεῖν* и *ξηραλοφείν*. Очень ценно то обстоятельство, что на протяжении многих столетий, от Эсхина до Гермия Александрийского, традиция об этом законе не обросла различными домыслами.

Как мы видели, все античные авторы упорно приписывали данный закон Солону. Для такого рода мнения имеются достаточно веские основания, даже если абстрагироваться от единодушия традиции. Глагол *ξηραλοφείω* встречается у греческих писателей редко⁴⁶, притом почти исключительно в текстах, связанных с анализируемым нами законом Солона. Очевидно, данное слово не принадлежит к числу часто встречавшихся в литературе IV в. На этом основании можно предположить, что соответственный запрет имел место еще до кодификации 403 г. и, следовательно, восходит к «древним», по выражению Лисия (X, 15), законам Солона.

С другой стороны, ничто не препятствует отнести запрет рабам *ἐρεῖν* и *ξηραλοφείν* к Солону. И тот и другой обычай пользовались распространением, в Элладе с незапамятных времен и твердо засвидетельствованы для Атики начала VI века. Это видно и из литературных и из археологических источников. Из множества примеров мы приведем здесь только два. Т.10 представляет собой отрывок известного сочинения Плутарха «О любви». Непосредственно после приведенного нами свидетельства здесь следует отрывок из элегии Солона (Diehl, Sol., 12), явно свидетельствующий об увлечении афинского законодателя той самой любовью, которую он запрещал рабам. Второй пример: на некоторых аттических сосудах чернофигурного стиля, датированных второй четвертью VI в., иногда встречаются изображения различных бытовых сценок, имевших место в палестрах. Так, на одной гидрии из Лейдена воспроизведены два эпизода, иллюстрирующие натирание маслом в палестре. На обоих рисунках изображены юноша и мальчик, готовящиеся к натиранию мас-

⁴⁴ Т.9 заимствован нами из «Пира семи мудрецов». Принадлежность данного сочинения Плутарху долгое время оспаривалась. В последние годы все же преобладает мнение, что оно вышло из-под пера беотийского писателя. См. K. Ziegler, RE, s. v. Plutarchos (1951), стб. 883 сл.

⁴⁵ Т.10 взят из «О любви» Плутарха. И это произведение считается ныне подлинно плутарховским; см. Ziegler, ук. соч., стб. 796 сл.

⁴⁶ В греческо-английском словаре Лиддела—Скотта—Джонса, s. v. указано всего лишь четыре места в источниках, касающихся древней Греции; из них три относятся к нашим Т.7, Т.9 и Т.10. Четвертое из указанных в словаре мест (фрагмент из Софокла) осталось мне недоступным.

лом⁴⁷. Оба эти примера показывают, что в начале VI в. уже имелись условия для появления такого закона.

Участие в соревнованиях и, следовательно, тренировка в палестрах считались неотъемлемым правом каждого эллина. Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже ранние законодатели стремились сохранить это почетное право только за свободными, запретив рабам натирание маслом и, следовательно, участие в гимнастических соревнованиях. По всем этим соображениям можно, в согласии со всей античной традицией, считать Т. 5 действительно принадлежащим Солону.

В этой связи стоит обратить особое внимание на Т. 11. Схолиаст приравнивает к рабам определенные категории свободного населения. Как он отмечает, права *ἐρῶν* и *ἐτραλοφείν* были лишены не только рабы, но и лица, не служившие в войске, беглецы с поля боя, изменники и сыновья, которые не выполнили своего сыновьего долга по отношению к родителям. Все эти люди ввиду совершенных ими проступков фактически были поставлены вне рядов граждан и вообще свободных мужчин. Списки таких неполноправных лиц схолиаст, очевидно, позаимствовал из какого-то более раннего источника⁴⁸. Таким образом, указанный запрет в историческом плане должен расцениваться как показатель исключения рабов из общественной жизни. Если у Гомера раб — это несчастное человеческое существо, участь которого достойна сожаления и сочувствия, а у Гесиода рабы — это прежде всего домочадцы, образ жизни которых мало чем отличается от жизни трудового крестьянина, то данный закон Солона уже создает пропасть между свободными и рабами именно в силу рабского состояния последних. Следовательно, Т. 5 представляет собой определенную параллель Т. 1. Принцип материальной ответственности рабовладельца за раба предполагает отрицание за последним человеческих прав. То же отрицание, правда взятое в совсем иной плоскости античного мышления, лежит в основе Т. 5—Т. 7 и Т. 9—Т. 11. В той или иной мере оба эти закона знаменуют собой различные стороны одного и того же процесса — перехода от патриархальных к античным формам рабства.

Нами рассмотрены все законы о рабах, приписывавшиеся в древности Солону. К более позднему времени, согласно проделанному анализу, принадлежат только сообщения Гиперида и частично Эсхина. Выделенные выше законы о рабах, действительно восходящие к Солону или его времени, дают важные сведения о положении рабов в период становления античного рабства. Исчерпывающая оценка их значения в этом плане может быть дана лишь в свете социально-экономического развития Атики того времени в целом. Для этого необходимо изучить давнее законодательство, с одной стороны, на фоне всего комплекса реформ Солона и, с другой, — в сравнении с данными о рабах в законах Драконта. Обе задачи выходят далеко за рамки данной статьи, цель которой ограничена лишь источниковедческой задачей — определить, какие из приписывавшихся Солону законов о рабах в самом деле относятся ко времени великого афинского реформатора.

⁴⁷ См. J. D. Beazley, *The Development of Attic Black-Figure*, Berkeley, 1951, стр. 80, табл. 38, рис. 1—2.

⁴⁸ Так, Диодор Сицилийский (XII, 16, 1) сообщает, что Харонд издал закон, согласно которому людей, покинувших боевой строй или вообще не взявших за оружие в защиту своего поляса, заставляли сидеть в течение трех дней на агоре одетыми в женское платье. Мера наказания, предложенная Харондом, в принципе немногим отличалась от приводимой схолиастом.

